

По материалам конференции
молодых ученых
Москва, 22 – 24 декабря 2014

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая

**Антропология города
глазами молодых
исследователей**

По материалам конференции молодых ученых
Москва, 22–24 декабря 2014 г.

Москва 2015

ББК 63.3+63.4+63.5+63.6
УДК 39+9+316
А 72

**Опубликовано в рамках программы
фундаментальных исследований Президиума РАН
«Историческая память и российская идентичность»**

Ответственные редакторы:
доктор исторических наук *Н.И. Халдеева*
кандидат исторических наук *Е.Б. Баринаова*

А 72 Антропология города глазами молодых исследователей.
По материалам конференции молодых ученых. Москва, 22–24
декабря 2014 г. / отв. ред. Н.И. Халдеева, Е.Б. Баринаова. – М.:
ИЭА РАН, 2015. – 240 с.

ISBN 978-5-4211-0142-0

Сборник включает в себя статьи молодых ученых (этнологов, археологов, антропологов, социологов, философов), участвовавших в научно-практической конференции «Антропология города: молодежный аспект», которая проходила 22–24 декабря 2014 г. в Институте этнологии и антропологии РАН.

Содержание статей в разной форме посвящено вопросам адаптации горожан к городской жизни, ее динамике, многофакторности, агрессивности или комфортности, адаптогенности его территории. В сущности, речь идет об идентификации самого города, проявляющейся как система его презентации, структура которой в общих чертах выстраивается в форме реализации разных сфер.

Книга предназначена для этнологов, антропологов, историков и широкого круга читателей.

ISBN 978-5-4211-0142-0

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2015
© Коллектив авторов, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	6
Раздел I. Мигранты в городе. Проблемы лингвокультурной адаптации	
<i>Е.О. Абрамова</i> Лингвокультурные аспекты адаптации мигрантов.....	14
<i>А.В. Алексеева</i> Конструирование образа традиционной культуры в памирской диаспоре в Санкт-Петербурге	21
<i>Р.А. Старченко</i> Восприятие языковой политики Украины населением Крыма (по материалам этносоциологического исследования 2013 г.)	28
<i>Д.Г. Чубукова</i> Референдум в Крыму 16 марта 2014 года. Реакция крымско-татарского населения	40
Раздел II. Проблемы адаптации в городе и город для адаптации	
<i>А.Н. Куликова</i> Проблемы адаптации эвенкийской молодежи в городской среде на примере Нерюнгринского и Алданского районов Республики Якутия	49
<i>Р.Ш. Зельницкая (Шларба)</i> Абхазская молодежь между городом и деревней	56
<i>Н.А. Белова</i> Проблемы молодежи русской провинции (на примере г. Нерехты Костромской области)	64
<i>Е.А. Коптяева</i> Молодежь и межнациональные браки: на примере населения городов Омска и Екатеринбурга	74
<i>А.И. Илюхина</i> Локальные сообщества и движения в наукоградах	81
<i>Н.С. Александрова, И.А. Миронова, Д.А. Самылина</i> Неофициальная эпиграфика современного города как социально-политический и лингвистический феномен	89
<i>Е.С. Кочухова, Е.И. Рабинович</i> Как в парке Горького? Ориентиры развития ЦПКиО Свердловска/Екатеринбурга	97

<i>Д.Ю. Доронин</i>	
«Пятьдесят оттенков Тойоты»: жизнь машины в алтайском городе	105
<i>К.А. Темирёва</i>	
«Этнический» и «религиозный» аспекты в российской модной индустрии	117
<i>Т.М. Гланская</i>	
Сравнительная специфика этнической рекламы в центральной России и в регионах	124
Раздел III. «Идеальная» игровая идентичность.	
Поиск идентичности и игры	
<i>Д.Е. Амирханова</i>	
Религиозность города и деревни в дискурсе участников волонтерских реставрационных отрядов	131
<i>А.Е. Балашова</i>	
Образ копателя в быличках, анекдотах и паремиях	138
<i>О.В. Воробьева</i>	
Конструирование групповой идентичности в процессе ролевой игры ...	146
Раздел IV. Традиционные и новые модели идентичности	
<i>М.В. Васеха</i>	
Конструирование новых поведенческих моделей сибирячек под влиянием всесоюзной и сибирской прессы 1920-х годов	155
<i>О.И. Лисицына</i>	
Представления о «женской чести» в российской придворной среде конца XVIII – первой половины XIX века	164
<i>А.С. Зуева</i>	
Репрезентация советского городского быта в музейном пространстве	172
<i>М.В. Коськина</i>	
Язык самопонимания и самоописания горожанина в контексте местной, региональной и федеральной власти	179
<i>Н.А. Мицюк</i>	
Среда большого города и феномен бездетности в России на рубеже XIX–XX веков	188
<i>М.А. Перова</i>	
Дети советской провинции 1920-х годов как субъекты исторического процесса. Проблемы изучения (на примере Курганского округа Уральской области)	197

<i>Д.А. Анзель-Стойчевич</i>	
Трансформация традиционной похоронной обрядности у городской молодежи Белграда (Сербия)	205
<i>П.В. Лиходкин</i>	
О результатах изучения физического развития учащихся в разных городах России в изданиях «Русского антропологического журнала»	212
Раздел V. Конфликт идентичностей. Ксенофобия, сепаратизм	
<i>В.И. Мальшева</i>	
Уровень ксенофобии в среде московской молодежи	225
<i>А.А. Плеханов</i>	
Понятие сепаратизма: генезис и бытование	231

*Н.С. Александрова
И.А. Миронова
Д.А. Самылина*

Неофициальная эпиграфика современного города как социально-политический и лингвистический феномен

Проблематика современной эпиграфики (надписи на фасадах зданий, заборах и других подобных объектах) актуальна в контексте изучения антропологии города, поскольку органично встраивается в исследование общего коммуникативного городского пространства. На основании авторства различают два типа городской эпиграфики: официальную (тексты наружной рекламы, вывески с названиями улиц, магазинов, учреждений, остановок общественного транспорта и др.) и неофициальную (надписи частного характера, граффити)¹.

Недолговечность неофициальных эпиграфических текстов, заложенная в технологии их создания, принципиальная неразрешенность (за нанесение подобных надписей предусмотрена административная ответственность) и положение на пересечении частного пространства с публичным, говорят о важности изучения этих текстовых источников для понимания актуальных лингвистических и социально-политических процессов внутри городской среды. Рукописные надписи на домах, заборах и прочих городских объектах являются лингвистическим и социально-политическим феноменом, отражающим реальные настроения горожан нестоличного города-миллионника, как правило, молодежи, а также особенности восприятия и осмысления повседневности. Граффити, как одно из важнейших проявлений неофициальной эпиграфики, давно находится в фокусе внимания антропологов и социологов². Изучение граффити ведется в русле проблематики молодежных субкультур, в контексте исследования городских пространств, политической антропологии города³. Помимо всего прочего, граффити также рассматриваются в качестве городского письменного фольклора⁴.

Цель представляемого исследования: проанализировать современную неофициальную городскую эпиграфику как лингвистический и социально-политический феномен.

Материалом для исследования послужили 107 надписей на фасадах зданий (фотографии) четырех районов Нижнего Новгорода.

Поскольку эпиграфические надписи существуют в городском пространстве, мы в первую очередь рассмотрели, насколько тесна их связь с местом написания. Мы судили о степени свободы эпиграфики, исходя из лингвистических фактов и принципиальности помещения надписи в тот или иной контекст. Лексическим маркером связности явились указательные местоименные наречия («здесь», «тут», «там»). С точки зрения семантико-прагматического синтаксиса они выражают пространственный дейксис, т.е. ориентированы на внеязыковую действительность. Например, «там пропадают».

Что касается тесных контекстуальных связей с пространством, мы обнаружили несколько видов несвободной эпиграфики. Один из них – адресные надписи, к которым мы отнесли признания в любви. Кроме того, существенную группу представляют надписи, взаимодействующие с другой надписью или иным объектом в ближайшем пространстве. К первому случаю относятся исправления рекламы, комментарии к предыдущим высказываниям, и здесь мы видим возникновение диалогической ситуации. Во второй группе находятся надписи, которые обосновывают себя местом расположения.

Иногда фиксируется сам факт написания: в надписи «я вандал» важен сам факт высказывания здесь и сейчас. В анализируемом материале оказались прочно связанными с контекстом 28 примеров эпиграфики. Таким образом, на наш взгляд, существует тенденция к вписыванию в среду и вступлению в диалог с предсозданным.

Иногда эпиграфика представляет собой сочетание текста и изображения и, соответственно, попадает под лингвистическое определение «креолизированный текст». «Креолизированными считаются тексты, фактура которых состоит из двух и более негомогенных частей вербальной языковой (речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)»⁵.

В материале данного исследования надписи с изображениями и прочими визуальными знаками насчитывают 24 единицы. 11 надписей содержат типографские вербально-визуальные знаки: смайлы, стрелки и т.д. В пяти надписях присутствует символика (националистическая, анархистская), в трех имеет место исправление чужих, ранее нанесенных на стену изображений. В двух надписях принципиальной является графическая запись текста. Во всех этих надписях реализуется взаимосвязь вербального и иконического, присущая современной медийной коммуникации.

Значительную категорию в нашем материале составляют однословные надписи: 27 примеров. Примечательно, что такие надписи не образуют ансамбли, достаточно редко сопровождаются изображениями и слабо связаны с местом размещения. Наиболее многочисленны среди этой группы **номинативные** надписи, представленные именами существительными. Почти половина из них, в свою очередь, выражена отвлеченными именами существительными («рань», «лайф», «мрак», «вселенная», «сила», «сладость»), что позволяет предположить их функцию: выражение отвлеченных и непродолжительных эмоциональных состояний, манифестация значимых для автора понятий и ценностей.

По содержанию надписи, выраженные отвлеченными именами существительными, можно соотнести с некоторыми другими, более сложными **фразовыми** надписями. В таком случае эта содержательная группа будет насчитывать 30 эпиграфических единиц, 27% всего материала. Смысловое поле выделенной категории – экзистенциальное. Примеры фразовых надписей экзистенциального характера: «очень увлекательно», «менее трогательно», «из ошибок рождаются идеи», «космос близко», «месяц очарователен», «why so alone?», «я это не ты», «мы истошно живые». Неодносложные фразовые надписи отличаются афористичностью, иногда являются цитатами («Не спи, не спи, художник! / Не предавайся сну! / Ты вечности заложник / у времени в плену» – строки из стихотворения «Ночь» Бориса Пастернака). Особенности формы и содержания данной группы эпиграфики позволяют предположить, что функция фразовых экзистенциальных надписей – сообщение разнообразного (эмоционального, событийного, рефлексивного) опыта, как собственного, так и чужого (цитирование), присвоенного посредством помещения цитаты в другой пространственный контекст.

В отдельную группу выделяются объекты, обозначаемые нами как «**я-надписи**». В этих текстах обязательно присутствует местоимение и/или глагол в форме первого лица единственного числа. В составе собранных текстов насчитывается 18 я-надписей. Такие высказывания можно разделить на несколько видов в соответствии со следующими функциями:

а) выражение самоидентификации (через характерное свойство или действие, через отношение к другому): «я крут», «я вандал», «думаю сам», «кто я, но не ты я тот кто делает Русь», «я это не ты».

б) признание в чувствах: «я тебя люблю», «люблю кота».

в) отражение состояний: «жив», «созерцаю».

В отдельную группу выделяются **надписи с использованием имен собственных**. В этих надписях встречаются имена политиков, деятелей культуры, местных бизнесменов, а также предполагаемых друзей, знакомых и родственников субъекта высказывания.

Как правило, присутствие имен собственных в надписях свидетельствует о намерении конкретизировать адресата сообщения или упоминаемых лиц с целью избежать недопонимания и повысить эффективность коммуникации. Примеры: «Бунятян, верни долг!», «Шишкина здесь не живет», «Bingo Boom – лохотрон».

Употребление имени известного всем политика свидетельствует о претензии на общезначимость и понятность высказывания жителям города или даже гражданам страны в целом. Примеры: «Ш... урод и не наш, а С... – наш и урод», «Булавинов, выполни свое распоряжение!».

В отличие от высказываний экзистенциального характера, политические надписи возможно более или менее четко подразделить на несколько ключевых тематических категорий.

Выделяются высказывания:

а) относительно социальных проблем (жжх, здравоохранение). Примеры: «не бухай ублюдок», «хватит бухать», «брось пить», «свалку уберите жек! – дыру в подвале для кошек делайте ... не нарушайте жилищный кодекс не причиняйте ущерб дому № 28 – будете отвечать», «у нас есть только право на жильё?», «дай жильё! мы люди, а не крысы», «аборт – убийство».

б) посвященные отечеству (чаще патриотического характера). Примеры: «когда я вырасту я хочу быть патриотом это начинается с изучения русской литературы» (другие варианты окончания надписей: «с изучения русской культуры», «с изучения русской истории»), «#покупайотечественное», «кто я, но не ты я тот кто делает Русь».

в) о политиках (обращения, оскорбления, обвинения в нечестной деятельности): «Спасибо учителям за досрочное голосование! Шанцев».

г) объявления о предстоящих политических событиях: «31 число 18:00 площадь Свободы», «Москва выборы 2013», «Протестуй! 10 декабря 15:00 avtonom.org»

д) лозунги конкретных политических сил (анархисты, либертарные коммунисты, национал-социалисты, «Стратегия-31»). Примеры: «Смерть

коммуне!», «Ломай систему!», «Viva la revolucion!», «A.C.A.B. all cops are bastards».

е) рефлексивного характера о социальной действительности: «всё капиталистически верно».

Политические надписи могут отражать как индивидуальную позицию автора высказывания, так и транслировать идеологию группы, к которой он (она) принадлежит. В целом политические надписи составляют 37 единиц исследовательского материала, т.е. 34%.

Для того чтобы понять, каким образом эпиграфические надписи формируют ситуацию диалога с читателем, требуется проанализировать их с точки зрения коммуникативного синтаксиса. Надписи в данном случае рассматриваются как высказывания, которые можно классифицировать по коммуникативной цели. Так, все высказывания делятся на вопросительные и невопросительные, последние – на повествовательные и побудительные. Наибольший интерес для исследования представляют вопросительные и побудительные высказывания.

Из 107 примеров эпиграфики 6 высказываний относятся к **вопросительным** («слышишь?», «что такое бонг?», «есть бомбилы?», «стоит ли сознание того, чтобы в него приходиться?», «why so alone?», «brainless? – no stress!»). Конкретные адресаты не указаны, в одном случае дан ответ. Неопределенная адресация говорит о том, что вопрос обращен к любому потенциальному участнику коммуникации.

Побудительные высказывания в основном содержат глагольные формы повелительного наклонения и инфинитив в императивной функции. Таких высказываний 13. Примеры: «убрать», «страдай», «Будь безупречен в своих желаниях», «Протестуй! 10 декабря 15:00», «Бунтян вор верни долг!», «Дядя дай нам квартиру!».

Присутствуют также надписи, в которых побуждение выражено только лексически («необходимо не декларировать, а внутренне, неотступно верить в сказку и не столько воображать, сколько воплощать собой живую») или безглагольной конструкцией («смерть коммуне»). Особые случаи представляют собой цитирование последнего четверостишия стихотворения «Ночь» Б.Л. Пастернака и высказывание на английском языке «don't blink» Таким образом, побуждение семантически присутствует в 17 надписях.

Безусловно, все лингвистические особенности объектов эпиграфики не следует рассматривать в отрыве от социально-политической жизни города. Исходя из количества надписей на центральных улицах

(которые составили большую часть нашего исследовательского материала), Нижний Новгород можно отнести к той категории городов, в которых официальный и коммерческий (рекламный) дискурсы еще далеки от того, чтобы окончательно вытеснить тексты неформального характера на задворки и окраины.

Этому отчасти способствует обширная историческая застройка городского центра (большой процент ветхого фонда, аварийных, разрушенных строений, неухоженность дворовых территорий), отчасти – недоверие жителей к представителям местной власти. Эпиграфика часто содержит инвективы, нецензурные выражения в адрес конкретных должностных лиц. Иногда такие тексты становятся информационными событиями в местной прессе.

Часто эпиграфические надписи размещаются непосредственно в очаге социальной проблемы. Судьба этих текстов вступает в противоречие с ключевой особенностью неформальной эпиграфики – ее недолговечностью. Надписи, своим присутствием акцентирующие внимание на конкретной проблеме, зачастую «живут» столько же, сколько и сама проблема.

Так, неформальная эпиграфика на улицах Нижнего Новгорода становится инструментом протеста против коррупции и бесхозяйственности, борьбы горожан за рациональное распределение городского бюджета и решение проблем в социальной сфере.

Исходя из проведенного анализа собранного материала, можно сделать следующие выводы.

Большая часть объектов эпиграфики представлена фразовыми надписями, которые состоят из нескольких слов и представляют собой развернутые высказывания. Это может объясняться тем, что надписи в основном ориентированы на коммуникацию, отклик, либо претендуют на афористичность, завершенность суждения.

С точки зрения коммуникативного синтаксиса наибольший процент составляют надписи повествовательные, констатирующие факт, фиксирующие мгновенные переживания, попытки самоидентификации или статичное состояние дел (особенно в социальной сфере). Вопросительные надписи, как правило, посвящены экзистенциальной теме и гораздо реже – бытовой, и не имеют определенного адресата. Побудительные высказывания чаще имеют социально-политическую природу.

В тематическом плане среди эпиграфических текстов преобладают высказывания политического и экзистенциального характера. Это го-

ворит о том, что надпись на стене для горожанина приволжской столицы – это возможность высказать свою гражданскую и политическую позицию, обратить внимание на социальные проблемы, выразить эмоциональное состояние и продемонстрировать взгляды на жизнь. В отдельных случаях эпиграфика также представляет собой продукты сознательного письменного творчества.

В сфере политической жизни авторов эпиграфических текстов интересуют следующий круг тем: проблемы в социальной сфере (в первую очередь жилищные), коррумпированность муниципальных и региональных властей, политические события (митинги, шествия), патриотическое воспитание, идеологические программы радикальных движений, осмысление общественно-политической жизни России в целом. Неформальная эпиграфика позволяет «звучать» голосам маргинальных групп: представителей радикальных политических движений, вытесненных из состава официальных властных институций, «трудным» подросткам, малообеспеченным жителям аварийных построек, активистам неофициальных патриотических и религиозных объединений.

Тот факт, что четверть собранных эпиграфических надписей являются несвободными, тесно связанными с контекстом размещения, позволяет предположить повышенный уровень внимательности горожан к городскому пространству, к маркированию «особого места» по Дж. Урри. Это внимание порождает попытки осмыслить и переосмыслить элементы городской среды: ее архитектурный облик, особенности благоустройства, уличные вербальные и визуальные тексты различного характера: от властных предписаний и рекламы до других объектов эпиграфики.

¹ Шмелева Т.В. Городская среда // Неклассические письменные практики современности / под ред. Т.В. Шмелевой. Великий Новгород, 2012. С. 47–51.

² Чистякова М.Г. Измени пространство – измени жизнь. Социально-антропологические контексты стрит-арта // Вестник Тюменского государственного университета. Тюмень, 2013. Вып. 10. С. 168–173; Моисеева Е.В. Граффити провинциального города (коммуникативный подход) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Саратов, 2014. Вып. 1. С. 41–46.

³ Абдулова И.Т. Политическое граффити Иркутска // Байкальская Сибирь: фрагменты социокультурной карты. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2002. С. 202–206; Руденко В.Н. Политическое граффити // Социологические исследования.

1997. Вып. 10. С. 50–55; *Абрамов Р.Н.* Политические граффити в России 1990-х гг.: Опыт ретроспективного анализа // Вестник Удмуртского Университета. Ижевск, 2013. Вып. 4. С. 25–33; *Штена В.В.* Динамика субкультуры граффити в современной России: автореф. дис. ... канд. культурологии. М.: МГУКИ, 2010. 24 с.
- ⁴ *Бажкова Е.В., Лурье М.А., Шумов К.Э.* Городские граффити // Современный городской фольклор. М.: РГГУ, 2003. С. 430–449.
- ⁵ *Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990. С. 180–181.